

00

**СЕРГЕЙ
ОРЛОВ**

PC
0-66

I 500 003

КОЛЕСО

ОРЛОВ

СЕРГЕЙ

КОЛЕСО

СТИХИ

Издательство
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“

Москва — 1964

Р-2
О-66

В сборник «Колесо» известного ленинградского поэта С. Орлова вошли новые стихи.

Это лирические раздумья о времени, о делах нашего героического современника. Это стихи о жизненных традициях и преемственности поколений.

В сборнике много стихов о героическом городе Ленинграде и вологодских местах — родине поэта.

* * *

Как трудно делалась история.
Ее ни вождь, ни царь, ни бог,
Полна история которыми,
Построить бы один не мог.
С огнем, с железом дело спорилось.
Рабочие в цехах стальных
Бесстрашно делали историю,
Не покладая рук своих.
Крестьяне делали историю.
Как солон пот, крестьянский пот.
В счастливый год и в недород
Хлеба растили, избы строили.
Солдаты делали историю.
Не сладкий труд, солдатский труд.
Они вставали и не спорили
И шли туда, куда пошлют.
Она и солонна и дорога.
И в годы трудные народ
В ней силы черпает, в истории,
И в счастье до небес встает.
Она и без прикрас великая,
И из нее во все года
Нельзя, как в песне, слова выкинуть —
История одна всегда.

* * *

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.
А был изобретатель колеса.
Оно в природе не существовало,
Пока на белый свет не родился
Великий гений, неизвестный малый.
Крыло в природе человек узрел
И рычагов машинных сочлененье,
А он на мир не так, как все, смотрел,
Не с подражаньем мыслил и сравненьем.
Он смастерил однажды колесо,
И покатилось колесо по свету,
А он свернул, должно быть, сигарету
И сам себе воскликнул: «Хорошо!»
Ревели первобытные леса,
На четырех ногах зверье бежало,
Крылами птицы мяли небеса,
Пока он щепочку жевал устало...
Какие нынче в мире чудеса!
Открытия! Им счета нет повсюду.
Но все его технические чудеса
Ни в чем не зачеркнули колеса.

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы.
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади.
Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами.
Когда глаза поднять невмочь.

Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый, —
Не бог, не царь и не герой.

* * *

Да, Русь не та, и русские не те!
Не те, конечно.
Ну а те чем плохи?
Те, что не те, и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки.
— Конец войне!
И в десять дней не боле
Земные потрясли материки.
Материки земные, а не поле.
Твердят — во всем была отсталой Русь.
А не она ли родина свободы.
Я навсегда с той Русью остаюсь
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа и ума
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

**НОВОЕ ВРЕМЯ —
НОВЫЕ ПЕСНИ**

Ах, песни старые, забытые,
Запетые до хрипоты,
В недавнем прошлом знаменитые,
Вы, словно в молодость мосты.
Вздохнет ли драная гармоника,
Затянет ли осевший бас,
Встаю, иду в края, где конники
И радуги
Благословляют вас.
Иду туда, где зори дымные,
Где блеск брони и звон костров,
От Одера иду до Зимнего
К себе и в молодость отцов.
Пусть наотрез права пословица,
Я с ней не спорю, не хочу.
А песня все-таки не клонится,
И ей такое по плечу —
Смотри, взошла она, и дрогнули
Глаза, и губы, и сердца
Перед летящею дорогою.
И снова славе нет конца.
И сторонятся те, которые
Новы и модны, может быть.

Но без огня того и пороха,
Чем вас сумели начинить
Святые, юные, безвестные
И бескорыстные творцы,
Признание себе не песнями
Сниславшие в огне бойцы.

МИРНАЯ ПЕСЕНКА

Сквозь страхи века атомного грозные
Ко мне приходит нынче неспроста,
Пронизанная ливнями и звездами,
Как солнце, неотступная мечта.

Гражданские заботы перевесили,
Распущены солдаты по домам,
Война уж не работа, не профессия,
И незачем глазеть по сторонам.

В мартенах танки с пушками ворочая,
Старательно вращается земля,
Спокойная, зеленая, рабочая,
Антеннами травинок шевеля.

И мы, как будто пыльные реликвии,
Действительно которым нет цены,
С последней, называемой великою,
Историей оправданной войны.

Вы скажете — фантазия, идиллия!
Ну что ж, я оптимист и фантазер.
Но если страхи в мире победили бы,
То б шар земной не дожил до сих пор.

И с каждым днем крепчает убежденье,
Что только так должно быть на века.
Фантазия становится движением
На всех пяти земных материках.

И в сторону мечты быстрее возвращается.
Под звездами и ливнями пыли,
Хотя кому-то это и не нравится,
Любимая людьми навек земля.

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства.
И городов далеких нет.
Нет гор, морей и ветра странствий.
Есть стюардесса в цвете лет.
Есть аэрон, бетон, динамик,
Орущий джазом в вашу честь,
Трап на пневматике. Громами
Ночь потрясенная окрест.
Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.
В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован,
И крайне замкнут, и открыт.
Мой брат, мой враг, мой собеседник
Над пластиковым столом
И чашечкой «эспрессо» бледным
В часу, неведомо каком,
В глуши неведомой вокзальной,
Откуда все рукой подать:

Березы, ледники и пальмы, —
Что хочешь ты еще сказать?
И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.
А синие глаза пустынные,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы,
Ответ рождает и вопрос.
Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,
Дышать зеленой солью моря,
Пить спирт из фляги у костра
И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Пытаюсь разобраться в них.
Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублен мрак ночной и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.
Но есть в их праздничности броской
Тревога знобкая и грусть,

Которую понять не просто,
Но есть которая как груз.
А в чем она, не скажешь сразу:
В девчонках юных на углах
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запрятан страх?
А может быть, все это вкупе
Заклучено в том и другом.
Забудут, не наймут, не купят
Или поверят, но с трудом?
Гремят, ликують и хохочут.
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны
Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

* * *

Я верю в бога, но не с бородой
Сидящего на облаке высоком.
Бог, он и старый, он и молодой
Со мной живет он рядом и далеко.
С шести утра он пьет на кухне чай,
Закуривает жадно сигарету
Его везет грохочущий трамвай
За три копейки через всю планету
На свой завод, на шахту и в гараж,
Да мало ли, куда там надо богу,
Ведь без него день не начнется наш,
И в самом деле мир не до порога.
А он себя считает, как всегда,
Бетонщиком, механиком, шахтером.
Какой там бог! — Идет навверх руда,
Струится стружка и режут моторы.
Но все на свете создано трудом.
Он сдвинул горы, он попятил рени.
И в переносном смысле и в прямом
Он бог в двадцатом громоносном веке.

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА

Места, где Ленин был когда-то,
Не просто памяти места,
И времени былого даты,
Их люди ценят не спроста.

Вот лес. Поляна. Все как всюду.
А вот трибуна или дом.
И все вокруг понятно людям,
Знакомо, как в краю любом.

А он ведь здесь вершил такое,
Что все меняло на земле.
Была трибуна полем боя
И этот дом и лес во мгле.

Глядят, молчат, уходят люди,
Как будто что-то унося.
И в час, когда им трудно будет,
Когда уже стоять нельзя.

К ним, старым, молодым и юным,
Придет, как солнце, может быть —
Вот лес, поляна, дом, трибуна —
Стоять, сражаться, победить!

ЧЕРЕМУХА НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ

На Петроградской расцвела черемуха.
Вы слышали, вы видели ее?
Она стоит вся белая, огромная,
Как сказна, опустившись в бытие.

На каменной земле, в ущелье каменном,
Как будто бы в лесу своем, она
Цветет себе торжественно и пламенно
Среди деревьев парковых одна.

Вы скажете: как, в городе черемуха?
Да, в городе черемуха, скажу.
Воскликнете: цветущая, огромная?
Да, белая — не зря о том твержу.

Не зря соседка-девочка до вечера
Крахмалила и гладила белье
И на иголках-каблучках доверчиво
Спешит сейчас, похожа на нее.

Идет, почти асфальта не касается,
Как песня устремленная в закат,
Вдоль по проспекту Кирова красавица,
И на нее все встречные глядят.

Ей мать твердила ласково и яростно:
Ну что ты в нем хорошего нашла?
Не будет у него до самой старости
Ни славы, ни двора и ни кола.

А в городе светло, до часа раннего
Любовь, от робкой близости хмельна,
Гуляет без скупого, ресторанного,
Дешевого крепленого вина.

Весь город для нее, как зала тронная,
От Охты и до Стрелки, посмотри, —
Она повсюду шествует с короною
Немеркнувшего золота зари.

И я ее искал порой знакомою
И не нашел. Но не виню любви.
На Петроградской расцвела черемуха,
А холодок сивозит у нас в крови...

**МОРОЗ
У ПАВЕЛЕЦКОГО ВОКЗАЛА**

В. Дементьеву

Город весь будто в пудре сахарной —
Лица, здания, провода.
От мороза деревья ахают
И звенят бубенцами льда.

У вокзала у Павелецкого
Табуном такси-рысаки,
А шоферы — некуда деться им —
Вкруг собрались, как ямщики.

Бьют под мышки себя рукавицами,
Разговор шутейный ведут,
Дым ли, пар клубится над лицами,
«Беломор» без пощады жгут.

Солнце в радуге, сорок градусов,
Площадь искриста и пуста.
Лишь вокзал плеснет в этот благовест
Облака через ворота.

Ох, и холодно нам с Валеркою,
Мы студентики без галош,
Но проходим мы мимо фертами —
Дескать, стужей нас не проймешь!

Впереди нас идет красавица,
Загляденье среди зимы,
Ничего ее не касается —
Ни вокзал, ни мороз, ни мы.

Неторопкой идет походкою,
Ножки в туфельках огневых,
А под шубкой ее короткою
Паутинки-чулки на них.

И шоферы ей вслед бросаются,
Как снежками, восторгом чувств:
«Эй, садись, прокачу, красавица,
С кавалерами. Сам плачу!»

А мороз все круче, прижимистей,
Как стекло, звенят небеса.
И заморской душе не вынести
Звона этого полчася.

СЛОВО О РАБОЧЕМ

1

На деревянных скамьях восседая,
Одновременно тысячами трасс
Он утром едет в тысяче трамваев,
Его величество рабочий класс.
Клубит туман на дымных реках улиц,
Сраженье тьмы и света в облаках.
Еще не все сограждане проснулись,
Но он уже с рассвета на ногах.
День не начнется без него на свете,
Огонь не вспыхнет, молот не взлетит,
Стальные крылья не поднимет ветер,
И паровоз не вскрикнет на пути.
О, ранний час рожденья, пробужденье,
Литая завязь света и тепла.
У проходных ворот толпы движенье
Перед твердыней стали и стекла.
Есть каменные, мраморные арки,
Они стоят, цепляя облака,
Под солнцем юга пламенным и жарким
Поставлены творцами на века.
Сюда входили с музыкой, с цветами
Легионеры Цезарей, под рев

Толпы, сверкая медными щитами,
Ведя в цепях закованных рабов.
Об этих арках созданы трактаты,
Туристы едут к ним издалека.
Куда до них тем скромным, тем дощатым,
Поставленным отнюдь не на века,
Тем аркам проходных, открытым настезь.
Подкрашенные просто маляром
Стоят они распахнутые властно
Вахтером-стариком перед гудком.
Нет, перед ними не стоят зеваки,
Цветами осыпая с двух сторон,
И фейерверков огненные знаки
На них не льются в зареве знамен.
В них каждый день без музыки и грома
Победа входит запросто сама
В спецовке старой, стираной, знакомой,
Когда еще царит поутру тьма.

2

Здесь в царстве стали, камня и бетона
Железом воздух навсегда пропах,
В переплетенье линий напряженных
Лежит прямое небо на столбах.
Здесь стружка въелась в черные дороги,
Под крышей возвышаются мосты.
Здесь в реках сталь, и горные отроги
Бетонных башен строги и просты.
Пейзажи царства созданы расчетом,
Проверены лекалом и огнем,
Подчинены рассудку и полету,
Случайных линий не отыщешь в нем.

Оно своим размахом поражает
И утверждает сталью стали век.
Оно как будто людям угрожает,
В нем, кажется, затерян человек.
Огня ложатся розовые блики
Ему на плечи, расступилась тьма.
Он ток включил — и разом стал великим.
Он встал к станку — и ожили грома.

НЕВСКАЯ ДУБРОВКА

Б. Пидемскому

Мы с товарищем бродим по Невской дубровке,
 Два довольно-таки пожилые хрыча,
 Будто мы разломил на круг поллитровку,
 Мы с товарищем плачем и солдатские песни поем.
 Вот он берег Невы сорок первого года.
 Двадцать лет поднималась и жухла трава,
 Шли дожди и снега, лишь одна оставалась пехота,
 Та, что в берег вцепилась, от дивизии рота
 В сорок первом году, но жива, не мертва.
 Вспоминает полковник лейтенантское звание,
 Вспоминает о Женьке, санитарке глазастой, —
 Как она полоскала рубашку свою и рвала,
 как ромашку, для раненых, —
 И смеется, как будто бы вспомнил о счастье.
 А в траве земляника пылает на брустверах,
 И солдаты лежат между ржавыми минами,
 И, наверное, Женька — красавица русая
 Пулеметом порубана, где-то рядышком милая.
 Вспоминает полковник, а земля исковеркана,
 Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
 Да и мы, как земля, наша память, наверное,
 Будет тоже, как эта земля, вечно в ссадинах.

На шоссе ждет машина нас, зря надрывается.
От воронки к воронке над траншеями медленно
В бой на Невской дубровке от земли отрываются
Пять солдат с лейтенантом из роты последние,
Ничего нет вокруг, но велением памяти
Мины рвут тишину, лейтенант чертыхается
И солдаты встают... Воздвигается памятью

памятник,

Там, где нету его, но стоять ему там полагается,
А вокруг мирный луг, а вокруг жизнь

нормальная.

По Неве к Валааму плывет теплоход, полон

песнями.

Но сердца, словно компасов стрелки над

аномалией

Бьют о ребра всюду, будто тесно им, тесно им.

А водителю Вите лет двадцать, не более,

Столько, сколько нам в армии было когда-то.

Он включил себе радио, не идет с нами в поле,

Наши слезы и песни ему непонятны.

Что ему это поле, как нам Куликово — не боле!..

Хлещет радио джазами над погостом в костях

и металле.

Мы с товарищем с нашей славою, с болями

Эпопеей для Витьки, историей стали.

Только мы не история, мы в нее не годимся —

В нас ликуют и плачут железные годы,

И живут там солдаты, и хрипят: «Не сдадимся!»

Делят хлеб и патроны у бездонного брода.

Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны.

Нам бы надо обидеться на курного Витю,

Но у жизни есть горя и счастья законы,

Наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде.

И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью
мучиться.
Ах зачем, все равно у него не получится.
Свищут птицы, горит земляника на брустверах,
Полон Витька к истории благодарности и
уважения.
Он глядит на шоссе и на девочек в брючках,
без усталости
Мчащих велосипеды вдоль древнего поля
сражения.

СОСНА

На белом, розовом, на синем,
На голубеющем снегу
Лежит сосна, роняя иней,
Как бы споткнувшись на бегу.
На сахарном снегу пластаясь,
Вся зелена, вся золота,
И в кроне солнцем обливаясь,
Звенит и рвется высота.
Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшись когда-то,
Назад лет двадцать, на снегу.
Ну что ж, перед годами теми
Я не стыжусь банальным быть.
Лежит сосна.
Не властно время
Того, что было, изменить.

МОЯ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там где огни встают,
В сполохах январской непогоды
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.
Вот сейчас я брошу сигарету,
Плюх задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну

Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути.
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя,
Она бы лишь была
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далеко, спотыкаясь,
Танк ползет, как черный жук, в снегу.
Далеко-далеко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант песчинка среди огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
Жизнь прожить — не поле перейти

Там друзья, там поровну махорка —
Я ему завидую почти.
Надо встать и скинуть полушубок.
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжко, люто, зло.
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит белым-бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный. словно сам Марат.
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

* * *

Уходит в небо с песней полк
От повара до командира.
Уходит полк, наряжен в шелк,
Покинув зимние квартиры.

Как гром, ночной аэродром.
Повзводно, ротной, батальонно
Построен в небе голубом
Десантный полк краснознаменный.

Там в небе самолетов след,
Как резкий свет кинжальных лезвий,
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Пехота по небу идет,
Пехота в облаках, как дома.
О, знобкий холодок высот,
Щемящий,
Издавна знакомый.

По тем болотам подо Мгой,
Где мы по грудь в грязи тонули,
И поднимались над кугой
На уровне летящей пули.

Смотрю, как мерзлую лозу
Пригнул к земле железный ветер,
Стою и слушаю грозу,
Как будто первый раз заметил,

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив — работа.
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

В ГОСПИТАЛЕ

По железному карнизу
У больничного окна
Ходит голубь тучкой сизой,
Золотого ждет пшена.

Госпитальная палата,
Запах йода и тоски:
Кормят голубя ребята —
Бывшие фронтовики.

Слабые от операций,
Бледные до зелена,
Вот уже как лет пятнадцать
Жить мешает им война.

Ветерком двоих качает,
Кто-то стонет, кто-то спит.
Зорькой, цветом иван-чая
Грудка голубя горит.

Он обходит подоконник,
Осторожней, чем к огню,
Тянутся к нему ладони,
Мявшие, как воск, броню.

Веткой синих вен повиты,
Слабы руки у ребят.
Ходит голубь домовито,
Глаз кося, вперед, назад.

Вовсе не эмблема века,
А живое существо
Под защитой человека,
Утешение его.

НОЧЬ

В час, когда приближаются звезды к земле,
Спят полки в гарнизонах, гармошки в селе,
Города миллионные в душном тепле —
Чувства, мир озаряя, бушуют во мгле.

Рвут шифровки разрядами строчки петит,
Лампы, тускло мерцая, теряют накал,
Тайно ненависть в волнах эфира летит,
И кодирован злобы короткий сигнал.

Блещет молнии свея
Открыто в ночи,
И радисты, немея,
Сжимают ключи.

И радисты с улыбкой
Сжимают ключи —
Чье-то сердце опять
Над землю стучит.

В холодеющих высях
Журавлиных рокад
Треугольники писем
Солдатских летят.

Будто к северу, с юга
(Шире шаг, почтальон!),
Опускаясь по кругу
В руки сельских мадонн.

Всем и всем — под звенящими льдинками звезд
Бьется жилка мольбы о холодный зенит.
«Всем и всем» — пробивается жаркое «SOS».
Это чья-то надежда и вера звенит.

Через рев океанов и материки
Узы дружбы, как меридианы, крепки,
Протянулись, прилив вызывая в крови,
Вся планета окутана дымкой любви.

СОРОК ЛЕТ

Старой песенки этой не скоро
Отзвенит беспощадный мотив:
«Сорок лет — бабий век».
Нашим девушкам нынче под сорок,
Отлюбили они, не любив.
Были жаркими носы и руки,
Но из целого счастья
Взахлеб
Им достался одной лишь разлуки
До сих пор не прошедший озноб.
Только вовсе не жалости ради
И не праздно сочувствуя, я,
Им в глаза беззаветные глядя,
Сокрушен, как за други своя.
Слов не сказанных,
Песен не спетых,
Как ушедших годов, не вернуть.
Начиналось далекое лето
И сгорело в глазах — не взглянуть.
Видно, правда, что ровно полжизни,
А быть может, и больше, с собой
Унесли от них те, что Отчизне
Присягнули своей головой.
Где-то высятся душные грозы,

Где-то луны томят до утра,
Обжигают прохладные звезды
И кострами знобят вечера.
Кто-то, вскинувши руки под небом,
Полыхает, как в пламени куст...
Это все не о них, это небыль.
Но я их утешать не берусь
Тем, что было не зря. Они знают,
Знают бабьей недолей, тоской,
Раз костры по ночам полыхают
И гремят соловьи за рекой.
Утешение слабое это,
Вовсе в том утешения нет —
На земле не кончается лето...
«Сорок лет — бабий век», —
Весь ответ.

КУРГАН ГЕРОЙ

Я слышал, что курган Мамаев
В бетон и мрамор одевают.
Ревут бульдозеры и скреперы
Над зимней Волгою с утра,
Сшивается стальными скрепами
Сегодня наше и вчера.
Так, значит, верно в самом деле
Прошло с той битвы двадцать лет,
Когда в солдатские шинели
И в ватники он был одет.
Когда сто дней катились волны
Свинца и пламени над ним,
А он стоял сто дней у Волги,
Прикрытый мужеством одним.
И пусть оно предстанет в мраморе,
Пока еще тревожен век
Над ним всегда в дыму и пламени
Лететь на землю будет снег.
И из траншей не перекопанных
Вставать солдаты будут в рост
Над Азией и над Европою,
Ушанками касаясь звезд.

МОЯ ГОРОД

Мой город имя Ленина несет.
Он строг и прост,
И он красив, мой город.
Он помнит тот,
Весь мир потрясший год,
Когда в Неву вошла,
Как гром, Аврора.
От имени России в том году
К нему, как к другу,
Обратился Ленин.
Костры горели в смольнинском саду,
Штыки сверкали над Невой осенней.
Мой город вышел к Ленину на зов.
История еще вовек не знала
Такого потрясения основ,
Когда он встал с «Интернационалом».
С Путиловского, с Лесснера, с застав
Шагнул он сразу с тыщи улиц разных.
Качнув штыки, заслоны расплескав,
И рядом встал великий и прекрасный.
И Ленин, ощутив его плечо
И сердце услышав его, поверил,
Что мир насилья правде нипочем,
Что мир голодных с нею встал безмерен.

Какие им увиделись тогда
Прозрением распахнутые дали,
Когда впервые алый стяг труда
Они вдвоем над всей землей подняли!

ХЛЕБ ПРИВЕЗЛИ

Когда войдет неслышно в улочки
Рассвета мятная остуда,
У распахнувших двери булочных
Ночами происходит чудо.

Спят все дома, пути трамвайные,
Цистерны с квасом и киоски.
И вдруг с хлебами, с караваем
Встречаются дома и звезды.

Фургонов дверцы резко лязгают,
Взревев, моторы выхлоп гасят.
И вдруг вокруг повеет праздником,
Гостьбой и ожиданьем счастья.

Над камнем у витрин движение:
Плывут, качаясь, как планеты,
Как теплые миры весенние,
Хлеба из голубой кареты.

Река асфальтовая вкопанно
Стоит перед лицом рассвета.
Ночь пахнет полем, речкой, тропами,
Во ржи затерянными где-то.

**Ночь у печей гремит заслонками,
Взметает звезды обмолота,
Щепоть роняет над солонками,
Благословляя... А всего-то**

**Хлеб привезли. Шофер торопится,
Огнем сигарки гонит дрему.
Стуча, лотки у стенки копятся.
Спит женщина в постели дома.**

**Спит город, в чудеса не веруя,
Но каждый миг творит он чудо,
Неутомимо, полной мерою,
Всегда, в любое время суток,**

**Над ним заря с зарей встречается.
И птенчик, крохотный и звонкий,
Поет, ликует, заливается
На прутике антенны тонкой.**

**Его никто не слышит, малого.
Но он, стараясь бескорыстно,
Огромный город песней жалует,
Как жаловали славой исстари.**

**Под ним внизу на тихой улочке
Ему подсвистывает грузчик.
Хлеб выгружается у булочной,
И день за ним грядет насыщенный.**

КОММУНИСТЫ

О них поэты пишут непременно
Высоким «штилем», как
в трубу трубят,
Что им подвластны даль
и глубь Вселенной
И нет на свете никаких преград.
Сияние на их высоких лицах,
Их каждый шаг в века —
не просто шаг.
А мы-то знаем запросто великих
И делим с ними дружбу и табак.
Сосед, дружок, товарищ по работе,
Такой, как все, от всех неотделим —
В цеху, в колхозе, в институте,
в роте —
Ни обликом, ни званием своим.
Но на фронтах под небом
боя мгlistым,
Когда огонь над бруствером внахлест,
«Прошу считать отныне коммунистом» —
Писали люди и вставали в рост.
И ныне про способных
бескорыстно
Идти за дело правое на риск,

Пусть он даже не был коммунистом,
Недаром говорят:

«Он коммунист!»

Мир знает их, веселых

и влюбленных,

Грустящих, пожилых и молодых.

На свете коммунистов миллионы

И в этом сила и величие их.

Они верны без страха и измены

Той партии, в которой состоят,

А ей подвластны даль и глубь

Вселенной,

И нет на свете никаких преград.

* * *

Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные,
Завидую впервые я сейчас.
Вам предстоит увидеть горы лунные,
Открыть Венеру и ступить на Марс.

Дорога, на которую вы ступите,
Сама есть цель — нет у нее конца...
На ней вы возмужаете, полюбите
И вечностью проверите сердца.

Никто не может вам сказать заранее,
Как нам никто не мог сказать с вершин,
Какие предстоят вам испытания
На ней, какой свой Зимний, свой Берлин.

С нее вы не сойдете, как в истории
И не сходил доныне человек,
С дорог земли тяжелых, им проторенных
А звезды дарит вам двадцатый век.

И, может быть, с небес, как небожители
Святые и земные до конца,
Вы спуститесь к иным планетным жителям
И им свои раскроете сердца,

**В которых пламя крови штурма Зимнего,
И нежность всех садов, что вам цвели,
Вы, юные, вы, добрые, вы, сильные, —
Сыны земли и дочери земли.**

НА ВОЛГОВАЛТЕ

Моей деревни больше нету
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер,
Теперь ее на свете нет.

Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком,
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.

Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы,
Планеты стали и стекла.

И дела нет на них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.

Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила,
С зарей ложилась и вставала,
Гремя в свои колокола.

Стогов, домов, хлебов, овинов
В богатый год и в недород.
В чем не виновна, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век —
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек.

Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не мог.
И этот лайнер снежно-белый,
И всплывший дедовский пенек.

И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню.
Я слышу звон колоколов.

А наверху, как плахи, пирсы,
В ладонях шлюзов солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свылся,
Одно другим не зачеркнуть,

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюрон, желтых, залежалых,
Твардовский все же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР.
И в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудодня,
А солнца в сенокос, росы и зноя, —
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина, ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали все без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях, —
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Сложились бабы по рублю,
Простые бабы, деревенские,
И пьют, я их не оскорблю —
Мол, пить занятие не женское.

У баб на то причина есть,
Особая, всемирно веская —
По радио примчалась весть,
И озарилась доля женская.

Вся вдруг до доньшка видна
С поры далекой, незапамятной,
На целый белый свет одна,
Горя своим горячим пламенем.

Три полбутылки на столе
Фруктовой, ягодной и выгодной.
Пьют бабы у себя в селе,
Румяные от водки выпитой.

Их не зовут домой мужья:
Валюша, Валя, Валентина!
Судьба — не песня соловья,
Не все вернулись из Берлина.

Пахали бабы, жали хлеб,
Леса рубили, сенокосили,
Век прожили в своем селе,
И слухом не слыхав о космосе.

А над землей уж третий час,
Быстрее, чем шар земной наш кружится,
Вокруг него в который раз
Летит сестренка, дочь, подруженька!

Над щами, стиркой и страдой,
Над песнями, от слез солеными,
Летит над старыми законами,
Муж по которым — бог земной.

Гремит над всей землей эфир,
И марши, марши в честь них, марши,
В честь них, потрясших целый мир,
Обыкновенных женщин наших.

А здесь, в деревне, стол накрыт,
Пластинка крутится любимая.
И день, как колокол, гудит
Над придорожными рябинами.

* * *

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слышал, я ждал лишь уроков конца —
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик натился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду,

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни синиц, ни дождей,
Я не помню, кто мне о России сказал.

ЗЕМЛЯК

С. Викулову

Мы редко с ним теперь встречаемся —
У каждого свои дела.
Но все ж встречаемся, случается,
Вдвоем садимся у стола.
Не по желанью — по традиции,
Как на Руси заведено,
Мы балуемся не водицею
Дистиллированной. Но...
Как только «что» да «как» кончаются,
Отодвигается хрусталь —
И раздвигается, что чается,
Что видится — и глубь и даль.
Он трет виски, он наклоняется
И курит, курит без конца.
И тень и свет, летя, сменяются
На резких линиях лица.
И край, в котором уместиться бы
Могло с полдюжины держав
С их европейскими столицами,
Определяется вдруг, став
Тем настоящим, главным, истинным:
И как живешь и как дела, —

В чем исповедуются искренне,
Ни боли не тая, ни зла.
Над чем задумываясь, пробуют
Себя, других и жизнь понять
По счету по большому, строгому,
Где не на кого зря пенять.
А надо встретиться с причинами
Того, что плохо, что не так...
Шумят поля, горит рябинами
И подступает к сердцу тракт.
Раскинулась в дождях и радугах
Провинция лесов и рек,
Печали, сокрушая, радуя,
Как личная судьба — навек.
Ах, эти встречи с другом досветла!
Гора окурков. Поздний час.
Наговоришься вроде досыта,
А ляжешь — не смыкаешь глаз.

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом снобленом столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток, как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звеня, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда.

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выпавшись, наверно,
Уже прошла, звеня ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком,
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком, —

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

СВЕЖИЯ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,
Священнодейством пахнем на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень,
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормáх судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.

**А в кухне окна настезь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.**

**На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.**

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду.
Тяжелым кóсарем раздроблена дресва,
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат мочала,
Всему черед и честь, как в каждой мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют.
Ладони горячи, и рук полет широк.
И лифчики трещат. Здесь дело не простое,
Здесь каждый бы из нас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более красив.

**А во дворе горят половики полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под праздник в день субботний,
И праздник настает...**

ЩИ

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан напусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты,

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым,
Оброненной зарей кумачной.

Но день над осенью багровою
Встает, как праздник и как тризна, —
Сталь синяя секиры кованой
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты, волей разума,
В своей работе наторелом,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан.
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как библия,
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

У КОСТРА

В глуши таежной на сплавной реке,
Воткнув багры, как будто копыя, в боны.
Как в песне, на песчаном берегу
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим в барак бы рядом до утра,
Но вот они большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в котле старательно клокочет,
И, руки на колени положив,
Перед явленьем необъятной ночи
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку раки.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна, света полная, река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красоты они живут:
В безлунном блеске белой ночи дали —
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стреха,
Стоят и не уходят почему-то,
И выкипает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут по складам.

ГАРМОНИКИ

Над базаром музыка властвует,
Сто гармоник поют в углу,
Голубые, алые, красные,
На морозе поют к теплу.

Пар кудлатый клубит над лицами,
Снег укатан, словно каток.
Люди скидывают рукавицы и
Свой треух отвернут чуток.

Наклоняют ухо и слушают,
Выбирают ту, что нужна,
Чтобы тешила вдоволь душу им,
Голосиста была и нежна.

Выбирают свою, особую,
Среди тысячи голосов.
И на слух и на ощупь пробуют
Песню, пляску, грусть и любовь.

Уж чего бы так, ведь гармония,
Не оргáн тебе, не оркестр...
Эх, гармония-филармония,
Да и опера сельских мест.

За нее трудовые, кровные,
Отдают без боли рубли,
На плечо ремешок и, словно им
Привалило счастье, — пошли

Лесорубы, шоферы, пахари —
Все поклонники красоты...
А гармони поют и ахают,
И цветут на мехах цветы.

А базар еще пуще прежнего
Дымный воздух рвет городской,
Громкой удалью, грустью нежной,
Буйной радостью и тоской.

ДВЕ ДАЛИ

Даль одна, ближайшая, темна,
А за ней — прозрачная от света,
Золотой жары полным-полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот за тихие луга
Хлынет дождь, и гром ударит зычно;
Там сгребают сено, мнут стога,
Медом зной стекает с плеч кирпичных.

Пятнами цветными на песке
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные, как страны.

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Тем девчонкам под ноги летят
Без подсчета годы, как полтины,
Пропустить боясь, сию, объят,
Словно грустью, песней кукушиной.

Прозвучит короткое «ку-ну»,
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девчонкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мять траву без спросу на покосах.

Солнышко у них над головой,
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день и зной
Под одним бескрайним небосводом.

* * *

Что может быть проще еще и сложнее
Дороги летящей и поля за нею,
Что может быть жестче еще и нежнее
Ладоней, что только себя не жалеют.

Зеленые звезды дрожат в поднебесье,
Большая Медведица зла и космата,
Но луг соизмерен с кострами созвездий,
С зарею грядущей, с вчерашним закатом.

Как зеркало месяца, падает в травы
Коса и цветы обжигает под корень.
И древняя жатва обходит державу
С зари до зари, как от моря до моря.

И женщина в ливне пшеничного света
Встает на носки, выпрямляя колени,
Одета в цвета негасимого лета
И им же раздета, как бы на мгновенье.

Да, песня займется, зовя и тревожа,
А в ней все про то же, что было и будет.
И нет ничего, и не сыщешь дорожке
Весь мир повидавшим, все видевшим людям.

СЛОВО О ДИОНИСИИ

1

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах,
Видать, для света и тепла,
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай на горах, в бору с брусникой...
А может, правда, рай — в лесу?
Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?

Пылает северное лето,
Недвижны сосны. Спит вода.
И, на стожар в лугу надета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов,
Плывет, расправив паруса.

2

Я видел рай не н_а небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В цернвушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет вена
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, с опятами.
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив, как рай!

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утонула, — не видно крыш.
Как придет зима, занесет дома,
Сверху Тотьмы не разглядишь.
Все леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг леса, на восток,
За околицей, хвоей колются,
Пробираются без дорог.
А в лесах она, река Сухона,
В ней веслом до дна не достать,
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь-напевать.
Она баскими дарит сказками,
А за сказками бает быль,
Быль не ласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.
По реке плоты
В сорок две версты.
До небес семь верст
Лесом все...
В небе тыщи звезд,
Месяц в полный рост,
И медведи бродят в овсе.
Хочешь верь не верь,

Поезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить
Тебе теперь —
Самолетом рукой подать.
Полчаса не срок, городок у ног
И леса стоят, как сказал,
Только вот, браток, что насчет дорог,
Про дороги я не соврал.
К нам дороги ягою меряны
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна
В темном лесе за Юг-рекой.

КОНЦЕРТ

Начинается, начинается,
Алый бархат уходит вбок,
Выплывают на луг красавицы,
Оживает старый лубок.

Сарафаны цветные тканые,
Из сафьяна все сапожки,
Как негаданные, нежданные
Гуси-лебеди вдоль реки.

Гуси-лебеди, струи в лепете,
Ивы падают с высоты,
Солнце в небе встает из небыли,
Поднимается из мечты.

А по залу летит дыхания,
Вздоха радостный ветерок,
А на сцене зорь полыхание,
И под сердцем вдруг холодок, —

Это так ведь мечтали прадеды,
Предки наши о красоте,
О несбывшейся и ненайденной,
Как о дали и высоте.

Пусть у нас своя, непохожая
И мечта есть и красота.
Непохожая, только что же мы
Восхищеньем томим уста.

Даль иная, высоты новые,
Только замер вдруг, замолчал
И любитесь облюбванной
Красотою сегодня зал.

Видно, есть в ней самое главное,
Без чего не быть красоте,
И выходит она, как равная,
К нашим помыслам и мечте.

ХЛЕБ

В нем дюжина дождей и солнца суток сорок,
В нем пара сотен зорь и полдесятка гроз,
Сто тысяч в нем токов и шин машинных шорох,
Комбайнов ровный рев и ливни синих звезд.

Лежит бугор меж гор, в народе говорится,
А выставят на стол, и станет стол престол.
Хлеб голова всему. Он с болью не бранится.
Смирятся и пес пред ним, хотя и зол.

* * *

Две крутых соболинки
Над рекой синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатый полет.

Словно вверх по ступеням,
На тропе полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ —
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

* * *

Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла,
Как будто тень и свет сменялись,
И людям все казалось мало.

Ей ветер обнажал колени,
Она подол рукою била
И хохотала в упоеньи
Так, как она всегда любила.

И все вокруг переменялось,
Все стало праздничней и ярче,
Все сдвинулось, переместилось
И стало вдруг свежей и жарче.

А было лишь такая малость —
Катилось, звоном озаряло.
Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла.

* * *

Я давно увидел в первый раз,
Как оно меня не ослепило,
Чудо женское зеленых глаз.
Где, когда, не помню, это было...

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги.
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным
взглядом...

Два дождя стоят в ее зрачках.
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги,

* * *

В цвета палящие одета,
И длиннонога, и тонка,
С прической, названной «бабетта»,
Звонка, как в песенке строка,

Бежит Брижит по нашей улице,
Стучат капелью каблучки.
Бежит, торопится, волнуется,
Брижит с текстильной фабрики.

Молоденькой многостаночнице,
Красивой хочется ей быть.
Ах, как ей быть счастливой хочется!
И как за то ее винить?

Она надела туфли-гвоздики
И синий скинула халат,
И где-то рядом с кинозвездами
Сейчас глаза ее летят.

А ей газета молодежная
За то анафемой грозит.
А чем плоха, скажите все же мне,
Сама француженка Брижит?

А чем плоха многостаночница
С прической круглой, как луна?
Девчонке быть красивой хочется —
Бежит, торопится она.

На крышах солью выступает иней,
С утра дорога в лезвиях ледка,
Поля лежат, как черная пустыня,
И задевают землю облака.

Ничто вокруг ни взора и ни слуха
Не радуется в промозглой этой мгле,
Как будто силу творческого духа
Природа исчерпала на земле.

Но вдруг мороз, и с высоты неожиданной
Не солнца свет, но и уже не тьма,
Враз осветив леса, дома, поляны,
Снег упадет, и через час зима.

Земля лежит, как новая планета,
На ней еще ни тропок, ни дорог
На всех ее меридианах нету,
Все вдаль зовет, и снова путь далек.

Утро было. Одевшись теплой по привычке,
Я на улицу вышел, любуясь на осень.
На веселое солнце, на избы, на птичник,
Возле речки стоящий на рыжем откосе.
Вдруг послышались сверху какие-то звуки,
Сердце разом задевшие зовом и грустью.
Синь плеснула в глаза, взял шапчонку я в руки:
Улетали, кружа над деревнею, гуси.
Долго белые гуси кружили над лугом,
Над речушкой холодной, над птичником теплым,
Где их братья, тесня в это время друг друга,
Гоготали в кругу перед птичницей Феклой.
Из корзины она рассыпала им зерна,
И они их клевали, глотая проворно.
И чиновною важностью белые шеи
Гнули перед корзиной все злее и злее.
А над ними над лугом трубою сигнальной
Одинокой, призывной, прощальной, печальной,
Плотный ветер крылами наотмашь сминая,
По-солдатски равнялась гусиная стая.
И ложилась на курс, ей завещанный, древний,
С ливнем, с бурями, с лютой тоскою
По озерам полесским, по русской деревне...
До сих пор эта стая меня беспокоит.

* * *

И я ее искал, по свету ездил я
За тридевять земель, морей и рек.
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глупый человек.
...Дышало лето ливнями и грозами,
Дымились реки, зрела тишина.
На большаке с плакучими березами
Мне повстречалась запросто она.
В своем краю, за речкою, не за морем
Она мелькнула вдруг грузовиком,
Плеснула песней, так что сердце замерло
И опалило душу холодком.
За песней баб над громкими колесами,
Растаявшей стремительно в пыли,
Вечерками, страдаю и покосами
Она открылась посреди земли.
Горячим хлебом обмолота первого,
Кувшином потным на краю стола,
Озерами с нетающими вербами,
Луной морозной в зареве стекла.
Девчонкою босой, простоволосою,
Забредшею во ржи, как василек,
Она прошла под солнцем и под звездами
И озарила запад и восток.

А было-то всего лишь, бабы ехали,
Да песня, да обычный грузовик —
Но это оказалось ее вехами,
И мир за ними встал и был велик,
Такой, что мне не рассказать, не высказать,
Какой он есть, и только, может быть,
Чтобы понять далекое и близкое,
Жизнь надо просто заново прожить...
А я ее искал, по свету ездил я
За тридцать земель, морей и рек,
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глупый человек.
И в землях тех она, видать, прописана,
Но надо с ними жить и бедовать,
Пот проливать под небом кипарисовым,
Чтоб запросто в лицо ее узнать.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Запаситесь картою,
Поезжайте в Каргополь
Через реки синие
И леса
Зеленые,
Через птичьи голоса
И ключи студеные.

Каргополь, как Акрополь,
С храмами и высями,
На горе стал во поле
Гордо, независимо.
На Онеге во поле,
Чем не брат Акрополю.

Небо там старинное,
Стиранное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.

Град стоит, красуется
С простотой естественной,
Возведен не суетно
Топором-кудесником.

**А вокруг него холсты
Белые расстелены,
И утрами с высоты
Солнышки рассеяны.**

**Солнышки рассеяны,
Радуги расставлены
На российском Севере
В стороне прославленной!**

* * *

А кто такой Бартоломей Диас?
Что слышали вы нынче о Диасе?
И почему Диас дошел до нас,
Чем он прославился, вопрос не ясен.
Он Африку когда-то обогнул,
Впервые обогнул ее по морю.
Сто раз тонул, но гнул ее и гнул
И обогнул, навек войдя в историю.
А кто такой Бартоломей Диас?
Я спрашивал, мне люди не ответили,
Одни сказали, он испанец, раз
Фамилия Диас.
Да, тьма на свете их.
Другие заявили — футболист.
Зачем тебе он? — вопрошали третьи.
Плыл в пене волн и солнц зеленый мыс,
Рвал ветер паруса в пятнадцатом столетье.
Жгла соль огнем бессонные глаза.
Как мир велик! Ни тронов в нем, ни клира.
Под килем и над мачтами гроза
И солнце прогибает крышу мира.
А в Лиссабоне где-то день за днем
В порту взлетали флаги на флагштоках,
Гремели сходни, но никто о нем

Не вспоминал, не знал о нем, и только
Шальная девка, все забыв с тоски,
Обласканная как-то ненароком,
Не забывала жарких две руки
И знала, кто такой Диас, до срока.
А он о ней забыл в тот самый час,
Когда вернулся, королем обласкан,
И Лиссабон: «Да здравствует Диас!» —
Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

.
Прошли века, сегодня мир гремит.
От маршей тесно рациям в эфире.
Волна восторга в радугах звенит,
Неслыханное совершилось в мире.
Мир шире стал, чем был для всех для нас.
...А кто такой Бартоломей Диас?

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Я с морем встретился вчера,
Как с миром праздничным, огромным.
Всклень полным света и добра
И искренности неумной.
Я к морю нес свой груз обид,
Не помышляя об участье.
Недавно без причины бит
И предан, но не другом, к счастью.
Голы, как белые слоны,
У моря грелись эвкалипты.
В тени у розовой стены
Два ишака кричали хрипло.
Абхазка тротуар мела.
И у воды на жаркой гальке
От солнца алые тела
Лежали бревнами вповалку.
Что море?
Синяя вода,
Соленая до окоема.
Что морю счастье и беда?..
Но море дрогнуло у кромок.
...Нанат вступил немый оркестром,
Меняя красок череду,

Роняя отблески и всплески
С забытым чем-то лишь в ладу.
В душе встающим, как растенья
Неслышно через камень плит,
Дробя гранит своим рождением.
Гранит печалей, бед, обид.
Накат не знал обид и болей,
Но, омывая, уносил
С собою, что-то с пеной белой
И возвращался с тайной сил,
Еще пока не ощутимых,
Но прибывающих уже.
Он проявлял меня, как снимок,
И с ним светало на душе.
Огромность вод, блескучих, близких
Сближали с небом и цветным
Простором поиска и риска
И утверждала перед ним
Неумолимо, без насилья.
И пробуждала, как от сна,
Еще не выросшие крылья,
Неузнанные времена.
И я в себе услышал море,
И сам стал морем я живым,
И мог и должен был я спорить
И соглашаться только с ним.
Огромным, видевшим вчера лишь
Рождение ящеров во тьме,
И груз эпической печали
У аргонавтов на корме.
А волны шли и шли на берег,
Вздымали горы щит земли.
И поединок двух империй

Судейство только мне сулил.
Пропела дальняя сирена.
Шел белый лайнер на Сухум,
А берег вскидывался с пеной
И плыл саженками без дум.
Струился полдень лиловатый,
Дельфин, как маховик, тяжел,
Вздыхался черный и горбатый,
И вновь скрывался среди волн.
Как взрывы, к небу эвкалипты
Вздыхали кроны. Босиком
Богиня вышла из калитки
У розовой стены, с кульком
Тяжелых синих виноградин.
Гибка, как пламя от костра...
Как многое случилось за день!
Я с морем встретился вчера.

ОДНА ЛЮБОВЬ

Поэма

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнем освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

Уже во власти скорого движенья,
Еще вблизи, но вся уже в пути,
И ждать не в силах было отправленья
Так, как не в силах было отойти.

А стук колес все назревал и медлил,
Светилось в раме темное лицо,
И жар волос литых с отливом медным,
И на руке, как искорка, кольцо.

Сейчас ударят знаки отправленья,
Сейчас качнется влево и пойдет
Покатых плеч короткое смятенье,
Ладоней пламя и волос размет.

На пальце, брызнув, искорка растает,
Все блики света вдруг поглотит тьма,
И предо мною пустота предстанет,
Стена забора, рельсы и дома.

На кой же черт придуманы вокзалы!
Как будто без вокзалов под луной
Для расставанья стало места мало
И не похож на них весь шар земной.

А может, для того нужны вокзалы,
Чтобы в минутном грохоте колес
Вдруг родилось, пришло и отсверкало
Все, что в года вместить не удалось.

* * *

Меня в любви не стерегли удачи,
Любил ее, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача,
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И счастьем, и разлукою грозя,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

Она, как ветер, не давалась в руки
И вдруг сама могла тебя обжечь,
И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь и не об этом речь.

Над городном сходились зори лета...
Черемуха гуляла, как зима.
Смолою пахли дó ночи нагреты
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушуя, звезды погасив,
Над озером за синими лесами
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуины,
В торжественных владениях любви.

Где вдруг на миг она к тебе прижмется,
Пред тем, как скрыться на крыльце впотьмах,
И женское мелькает превосходство,
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым.
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слышал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,
И слышен нынче, к сорока годам.

* * *

Четыре года, вечности четыре:
Огня, брони, снегов, госпиталей
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

В глаза мои в упор из-под ресниц
Взглянуло небо солнцем и покоем,
И жаркий ливень мальв и медуниц
На полотне метнулся беспокоен.

Пылало с белой ямочкой плечо,
Сияющее яблочным загаром,
И жгло меня спокойно, горячо,
Открытое совсем вблизи недаром.

Вот тут бы взять ее и унести
На край земли навек за собою,
В луга, где тонко куличок свистит,
Мягкая трава и дремлют маки стоя.

На край земли...
Я видел край земли —
Окоп солдатский с бруствером
горбатым,

Там маки крови рыжие цвели,
И травы пахли толом горьковатым.

И я, чудак, как пень деревенел,
Курил табак и говорил до света,
И все не так и не о чем хотел,
И Пушкина цитировал при этом.

Среди екатерининских берез,
На узенькой скамейке из штанкета
Часа в четыре ночи, все всерьез...
Я пожалел об этом в то же лето.

* * *

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой — из сердца вон. Забыла?
Нет, не забыла, но с другим ушла.

Уехала. Сыграла свадьбу где-то,
А весело ли, грустно — все равно.
Шел год победы, в нем рекой в то лето
Плескались счастье, слезы и вино.

Теперь легко пережитые были
Мести, клубить, как папиросный дым,
А мне в ту пору неуютно было —
На белом свете столько лет и зим.

Но на него я вовсе не в обиде,
На свет. Кто обижается на свет,
Тот ничего, наверно, в нем не видел...
Свет белым был ночами от ракет.

И зыбким был. Но снова у дороги
Свистит свистульной тонкая лоза,
Звенит, как обруч, солнце на пороге,
Топочет ливень, падает гроза.

* * *

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата,
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах...

Над нею солнце круглое встает,
И круглый год жара, дожди, метели —
Свершается стихий круговорот,
И в этом цель, а не дорога к цели.

Протравлен солью, пылью пропылен,
На сапогах земли пудовой комья,
И звездной жаждой к миру опален,
Не тосковал годами ни о ком я.

Стояло время, и текли края,
Пески, пустыни, горные откосы,
Серебряная ниточка ручья
И волн морских зеленые колеса.

Но как-то у притихшего огня,
С оказией придя за перевалы,
Письмо от старого дружка меня
У озера Телецкого догнало.

Спадал костер, шумела тишина,
И в том конверте две строки вначале
О женщине, о том, что вдруг она
Ему сказала обо мне, кричали.

И их тоска, как радость, обожгла,
И время взорвалось костром косматым,
И я поверил, что Земля кругла,
Кругла Земля, а вовсе не горбата.

Готический приморский городок,
Где храмы, как гигантские ракеты,
На площадях стояли у дорог,
Клубил сиренью в ожиданье лета.

Казалось, этот дым уже клубит
Из-под контрфорсов, как из дюз, на плиты,
И город вдруг взовьется, улетит
К сияющему белому зениту.

Но, не интересуясь стариной,
Я проходил по улицам. Мне город,
Где должен был я встретиться с одной
Знакомой женщиной, был тем лишь дорог

Я переулок скоро отыскал
И, видя подходящего амура,
Который на одной ноге скакал,
Играя в классы,
Бросил я окурок.

Амур был рыж, такому все отдашь,
Он, шоколадку получив, присеистнул
И взвился на какой-то там этаж
На крылышках своих с моей запиской.

Над этим домом плыли облака,
Над этим домом солнце поднималось,
Крошили звезды крышу чердака,
Дожди плясали, радуга сгибалась.

В нем женщина замужняя жила,
Смеялась, пела, плакала, сердилась,
И никого, как птица, не ждала
И, словно птица, все-таки томилась.

* * *

Я ждал, ходил, шаги в минуты множа,
Как маятник, у дома на углу,
И розы, закрывая от прохожих,
Держал в руке неловко, как метлу.

Девчонки из аптеки выбегали,
Просили по цветочку, вот народ!
Я не давал, я ждал, там тоже ждали
И из окна смеялись: не придет!

Проехала машина поливная,
Шофер кричал: давай полью цветки!
И вдруг из-за угла, почем я знаю,
Как я узнал по стуку каблучки.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слышали друг о друге.
Из-под ее ресниц прохладных свет
Ко мне метнулся в радостном испуге.

На всех намнях своих земных путей
Не забывал я той, далекой, русой,
Весь городок наш был в плену у ней,
Глаз, песенок, проказ ее и вкусов.

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

Девчонки за окном притихли стайкой,
Шофер, притормозив, глядел нам вслед.
Гремело море, кувыркались чайки,
И не было ни дум, ни дел, ни лет.

* * *

А поутру, от солнышка хмельна,
Метя ветрами тающими ситца,
Без стука двери распахнув, она
Ко мне влетела в комнату, как птица.

Недавний сон дрожал еще в глазах,
Недрогнувших, доверчивых, бездумных,
И я ее почувствовал в руках
Гораздо раньше, чем о ней подумал.

Ее дыханьем близким я дышал
И слышал, сердце колотилось рядом.
Я все забыл. Но тут же услышал
Испуганное, горькое: «Не надо!..»

Что значить в этот миг слова могли,
Не надо — гнутся с грузом ветви сада,
Не надо — просят все цветы земли,
И рощи на ветру кричат: не надо!

Но вся полна отчаянья насквозь,
Ударилась она нежданно в слезы,
Что сделал я?
«Мне не дарили роз,
А я ждала, что все же будут розы.

Жизнь поднесла бумажные цветы,
Ей не было до нас, девчонок, дела.
Так в мире не хватало красоты,
Что истинного я не разглядела».

Мне тоже в жизни не встречалось роз,
Бывало, сказка ими расцветала,
На окнах в детстве рисовал мороз
Ветрами, снегом и зарею алой.

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бризантные, клубящиеся розы.

Сквозь рощи роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипсах колючек ржавых в три кола,
Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветок
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я дарил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Свидетельствовать могут все ветра,
Мосты, скамейки, памятники, зданья:
Лишь только розы с этого утра
Я ей дарил до самого прощанья.

Я их творил из сумерек и дня,
Асфальта, солнца, облаков и парков.
Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки.

* * *

Я верю кисти старых мастеров
И рубенсовской щедрости натуры,
Сверкающему грому их пиров
В тиши мансард пустых под небом хмурым.

Всех линий света, схваченных огнем,
Стремительному ритму и движенью,
Всему, что вечно красотой зовем
И божеством еще и вдохновеньем.

Я говорил ей: «Здравствуй! Добрый день!»
Как это просто, и как это мудро,
Был добрым день, всю цвела сирень,
Но как сказать хотелось: «С добрым утром!»

А утро будет, утро быть должно,
Я осенью за ним приеду снова.
Так мною было твердо решено,
Хотя в ответ не сказано ни слова.

Ни да, ни нет, лишь «я тебя люблю».
Пароль и пропуск, и в глазах такая
Сквозная даль, и в ней по ковылю
Ветра и свет, ветра и свет сверкают.

О чем мы говорили — никогда
Не рассказать, не вспомнить, это знаки были
Морей и солнц, летящих сквозь года,
И парусов в сверканье звездной пыли.

И только в день отъезда, лишь за час
До поезда, когда нам грустно было,
«Куда ты едешь спешно так сейчас,
Кто ты теперь?» — она меня спросила.

Я должен ехать был на юг, к горам,
Туда, куда мои отряды вышли.
И я сказал, что я спешу к кострам,
Там ждут меня в горах мои мальчишки.

Мальчишки ждут... Кто женщину поймет!
Когда электровоз вагоны сдвинул
И разомкнулся рук замок на взлет,
Я услышал: «А разве ты мужчина!..»

* * *

В то лето ты была везде со мной:
В Армении, в долине Арарата,
Где между гор библейских рай земной
Оранжевый на синем был когда-то.

Со мной была ты хлебом и вином,
Входила в воду озера, как в небо,
Колбясь зябким розовым огнем,
На белом пляже свой оставив слепок.

Я не писал тебе, — зачем писать
Цветам, деревьям, воздуху и свету,
Лозе граната, птичьим голосам,
Всему незатухающему лету.

И в час, когда тяжелые синты
Несли два нимба к морю над горами,
Была ты ощущеньем высоты
Над облачной дорогой и ветрами.

Из лета в осень шел по небу ИЛ,
Земля под ним разворачивалась в плане,
Я землю лишь в подробностях любил,
Пропавших сверху в общих очертаньях.

А с женщиною все наоборот, —
Издалека ее не видишь всю ты,
Лишь волосы, глаза, бровей полет,
Подробности одни лишь почему-то...

* * *

Две огненные, рыжие стены,
И пламя листьев на стекле машины,
И волосы ее подожжены,
Пальтишко настезь, и платочек скинут.

Рождались наши фразы, как молва,
Обрывочно, тревожно, без вступленья.
Разъединяли смутно нас слова,
Но в близость претворяло их движенье.

Летели крыши загородных дач,
Шлагбаумы, кивающие косо,
Все пролетало, пронеслось вскачь,
Лишь неподвижно полыхала осень.

Торжественной последней красотой,
В которой все горит, все льется светом, —
От дюн, до паутины золотой,
Как будто здесь себя сжигает лето.

И мы к нему примчались на пожар,
Ушла машина, и в кафе пустынном,
За столиком, забредшим прямо в парк,
Она заговорила вдруг про сына...

И снова, чем-то мучась горячо,
Курила неумело папиросы,
Твердя, что надо встретиться еще...
И было страшно задавать вопросы.

Миры менялись на ее лице:
То тень, то свет, то горькое смятенье.
Все впереди, и ничего в конце,
И время шло, кончая день осенний.

Никто из нас не говорил «прощай»,
И может быть, «прощай» — ветра сказали,
А может, просто вспыхнул неба край
И двое нестерпимо увидали —

Сентябрь на прибрежной полосе
Был из живого выкован металла,
И черное графитное шоссе
Его на два пожара рассенало.

* * *

Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом на ветру открытом
Давно в огне сгорели, как трава,
Вокруг брони, расколотой термитом.

Но я его берусь нарисовать:
Вот женщина, глаза, улыбка, плечи,
И ей мужчина говорит слова
Обычные — день добрый или вечер.

Над ними солнце в синеву встает,
Вот утро — говорят они друг дружке,
И черный хлеб она на стол кладет
И разливает чай по белым кружкам.

А небо смотрит из окна на них,
Спокойное, огромное, без края,
В нем все, что есть, отныне для двоих
До смерти, и они об этом знают.

И не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы.
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья...

* * *

Но голос вновь ворвался в телефон
Стремительно, упруго и неожиданно.
Как на земле хозяйничает он!
Звонит и тает, словно лед, мембрана.

Вначале было слово, голос был,
С ним все преобразилось во вселенной,
Мотор такси над городом трубил,
Мосты вставали, расступались стены.

Она прошла спокойно по ковру,
Подтянутая, в тесном платье черном,
И погасила праздника игру
В окне высоком медленную шторой.

Потом с ногами села на диван,
Забилась в угол, маленькою стала,
Взяла с вином недопитый стакан,
Но не пила, а просто так держала.

И все твердила — голова болит,
Как неудобно, зябко здесь и пусто...
Сводила плечи, а они цвели
На красном белые, над платьем узким.

Над черным, скользким, белые как снег,
Горячие податливые плечи.
И поджимала ноги, как во сне,
Шелк натянув коленями навстречу.

И вдруг с размаху выпила вино
И, руки отводя от рук, сказала:
«Здесь душно...» И в мгновение одно,
Как сталь пружины выпрямившись, встала.

Над белым встала в черном, отдалясь,
И черное сменялось алым цветом,
И голос низкий прошептал смеясь:
«Мой милый, разве ты боишься света?»

Два раза простучали каблучки,
Веснушками летели кнопки с треском,
Над головой поднялись две руки,
И время жаром опалилось резким.

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много, и как это мало!

Ведь не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы,
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья.

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

Зачем туманить правду наших лет,
Нам никуда от них вовек не деться!
Своей рукою погасил я свет
И вышел, чтоб она могла одеться.

* * *

Я все о ней, о ней и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей и радостей основа!

Оно не только в громком и большом,
В труде и славе горных пиков выше.
Прислушайтесь, как время бьется в том,
Как люди любят, как грустят, как дышат.

Как меряют сердца любовь и долги!
Я был бы не таким в минувшем веке.
Мой сын возьмет себе иное в толк,
Иное время, в нем иные реки.

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло на части,
Но есть любовь — сильнее войны она.
А кто сказал, что нет любви без счастья?..

Чередованьем тени и огня
Оно прошло сейчас в громах вокзала,
Щемящим сквозняком обдав меня,
Под знаками неона и металла.

Что ж, повернемся к станции спиной,
Закурим, у пальто поднимем ворот.
Похолодало, дождь идет стеной,
И в молниях встает за нею город.

СЛОВО О ЦИОЛКОВСКОМ

И над Калугой светят звезды,
А век событиями богат:
Уж на шарах взлетают в воздух,
И где-то создан аппарат,
Который над землей с разбегу
Взлетает сажен на пятьсот,
Как будто с крыльями телега, —
А может быть, наоборот...
В четверг в собрании дворянском
Для уважаемых господ
Доклад о звездах и пространстве
Учитель физики прочтет.
Идет Калуга в ногу с веком,
Гремя оркестром полковым, —
Глядит в упор на человека,
Усевшись в кресле перед ним,
Который вроде бы помешан,
А вместе с тем как бы здоров.
Перед собранием плеч и плешей
Он держит речь с шести часов:
«Я заявляю, господа,
Настанет время, несомненно, —
С земли межзвездные суда
Нас понесут во глубь Вселенной.

Как в колыбели человек
Рожден Землей, но, в самом деле,
Кто заявил, что он навек
Остаться должен в колыбели?»
Кто? Но молчат в собрание дамы,
А рядом с ними господа.
В них божества святое пламя
Давно погасло навсегда.
Для них давно все ясно, просто,
Привычками очерчен свет,
Не занимают их вопросы,
Ответа на какие нет...
Крылатку на плечи накинув,
Вниз по ступеням на крыльцо
Сбегает он, сутуля спину.
Там дождь и ветер бьет в лицо.
Один — и не в Калуге даже, —
Во всей Вселенной одинок,
С тоской о звездах, словно с жаждой, —
Уходит он, не чуя ног.
Вчера еще из глины создан,
Из мглы морей и света рек,
Уже тоскует в нем о звездах
Мятежный гордый человек.
Он на кострах людского мненья
Сжигал не раз свои мечты,
И проклинал свой день рожденья,
И вновь отстраивал мосты,
И их раскидывал над веком
Для человечества всего...
Но как же трудно человеку,
Когда нет рядом никого!

Во всей Вселенной петухи
Одни орут, как с перепугу.
Сады тихи, дома тихи,
Спит беспробудным сном Калуга.
А слух в ушах пропал опять,
Как будто бы он слышит космос,
Где ничего не услышать,
Хотя бы там взрывались звезды...
И пламя лампы на столе,
Что было гребнем петушиным,
По линиям стекла во мгле
Поднялось золотым кувшином.
Стекло не выдержит сейчас,
Но Циолковский, сидя рядом,
С него не сводит строгих глаз,
Как с прилетевшего снаряда.
Пред ним снаряд, а не стекло,
В нем сталь, и не фитиль, а дюза,
И раскаленное сопло
Сейчас взорвет от перегруза.
Оно должно быть не прямым,
Воронкой, раструбом кончаться, —
Как это не понятно им!
Кому им? Есть лишь домочадцы,
Что рядом за стеною спят.
Калуга есть, купцы, мещане,
И есть стекло, а не снаряд,
И топит он фитиль в молчанье,
И свой оглядывает мир,
Вернувшись из миров далеких, —

Как беден в нем он, глух, и сир,
И в помыслах смешон высоких.

* * *

На десять тысяч верст — Россия:
Древни, реки и леса,
Пройди по ним сейчас, спроси их
И вслушайся в их голоса.
Смолчат или ответят сказкой,
А в ней звучит тоска —
Планеты, звезды, месяц ясный.
О, как дорога далека
От крыш соломенных, горбатых
До счастья просто, не до звезд.
Но где-то слышатся раскаты,
И зреют очертанья гроз,
И молнии в полнеба льются,
Ручьями пишут письма,
В эпоху войн и революций
Уже Земля увлечена.
А для него все это небыль,
Откуда знать ему во мгле,
Что к революции на небе
Лежит дорога по земле!
Но все со временем решится.
Двух революций связан взмах:
Сначала на земле свершится,
Чтобы свершиться в небесах.
Взаимосвязь для них — закон.
Не зря стремится к звездам гений,
И нужен будет небу он,
Как для земли стал нужен Ленин.

* * *

Вселенная — глухое место,
Не докричишься, хоть ори.
И где есть кто-то — неизвестно.
И что там дальше — не смотри.
Дыра бездонная, сквозная,
Звезд раскаленные шары,
Переливаясь, не мигая,
Стоят без счета и поры.
Меж ними — голубой росинкой,
В метеоритных ливнях гроз,
Летит Земля своей тропинкой,
Морзит сквозь пламя и мороз.
Здесь чуда с неба ожидают,
Вздымая храмы, как персты,
Здесь на Луну собаки лают,
Здесь гасят на кострах мечты.
Но цифры пишет на бумаге
Склонясь, не подымая век,
Брат Галилея, Тихо Браге
И брат Ньютона, человек.
Еще непонятый, безвестный,
Упрямо строя к звездам мост
И слушая земные песни
Синиц, калиток и берез.
Не может разум согласиться
На одиночество Земли.
Не с неба ждать — к нему пробиться,
Не храмы строить — корабли.
Чтобы на дальние планеты
Ступить, свирепо веря в жизнь,
И прокричать, как в поле где-то:
«Эй, есть ли кто тут, отзовись?!»

* * *

С утра паял, лудил, слесарил,
Иных не ведая забот.
Достигли цены на базаре
Астрономических высот.
И словно бы над чудом века,
Над самоваром чьим-то, взлость,
Он размышлял Спинозой неким,
Когда явился странный гость.
Гость юн был и наивно мрачен,
Чтоб старше выглядеть, чем есть.
Он просьбой с ходу озадачил —
О звездах лекцию прочесть.
На фронт идет его бригада,
И перед тем, как выступать,
Бригаде непременно надо
Все о Вселенной срочно знать.
Все! На его суконном шлеме
Плыла, багрова и горда,
Над здездами сияя всеми,
Пятиконечная звезда.
Она плыла всех ярче, выше
Над лбом в кудрях, как бы в венце,
И робкие глаза мальчишки
Цвели на каменном лице...
Зал встретил дымом, пóтом, гулом.
Поблескивает тускло сталь.
Седой, косматый и сутулый,
Над залом Циолковский встал.
Поймут ли? Ну, а кто же боле
Поймет его! Костры паля,

В крови, в надежде, в муках, в боли
Рождалась новая земля.
И синими глазами юных
Сейчас глядела не она ль
В глаза ему! И над трибуной
Померкла близь, открылась даль.
В ней голос загорался, падал,
Взрывался гневом и парил,
Он звезды с неба, как награды,
Как будто яблоки, дарил.
В бескрайнем мраке, в ливнях света
Вел по орбитам корабли,
На неизвестные планеты
Ступал разведчиком земли.
И дальше следовал без страха
Меж черных огненных громад.
Зал замирал, вздыхал и ахал,
Забывшись, два часа подряд.
И смолк. И тысячи ладоней
Умяли тишину в комок.
И весь в скрипучей коже конник
Вручил торжественно паек
Солдатский, свой, скупой и щедрый,
Один достойный звездных тайн, —
Весь черный, как земные недра,
Как солнце, жаркий каравай.
Нет, не как плата и награда —
Как братья делят на земле
Все, что имеют: боль и радость, —
Лежит сейчас он на столе.
А где-то, охватив до края
Лавиной степи, ливнем звезд,
Клинками небо озаряя,

Идет бригада в громе верст,
Идет, аллюра не жалея,
И от копыт вся степь гудит,
Весь шар земной, — и клич над нею
«Даешь Вселенную!» летит.

* * *

Молчит земля перед дорогой,
В путь отправляя сыновей,
Скрывая радость и тревогу
От всех людей за всех людей.
И космодром, выдавший виды,
Весь тишиной продут насквозь.
«Даешь Вселенную!» — как выдох,
Чуть слышно кто-то произнес.
Похоже, что седой, с глазами
Мальчишьими, сам генерал.
— Вы что-то, кажется, сказали?
— Нет, просто вспомнил, не сказал...
Земли бессмертье, космодром,
Планета стали и бетона!
И ближний предок за бугром —
Аэродром — лужок зеленый.
Несущих линий прочерк скуп,
Пустыня камня диковата.
Он рвется ввысь, зарывшись вглубь,
Чуть приподняв свои накаты,
Кося глазами амбразур,
В гребенках модниц, позабытых
В антеннах, взявших в контражур
Просторы дымные зенита.

А посредине, как Нотр Дам,
Как пражский храм святого Витта,
Корабль ракетный встал, упрямя,
Глазурью розовой облитый.
Земли бессмертье, космодром!
Роса на тоненькой ромашке
Меж плит. И в тишине, как гром,
Пичуги песенка, бесстрашно
Присевшей там, на стапелях,
Сдна в динамиках грохочет.
Сейчас их выключит земля.
И время в счет войдет построчный,
Его отсчитывать начнет
Пророк сутулый, бородатый,
Глухой калужский звездочет,
Непонятый никем когда-то.

* * *

Не зря горит и светит гений
Сквозь одиночества года,
Он в круг грядущих поколений
Встает как равный, навсегда.
Москва слезы не утирала,
Взахлеб глазела, как с высот,
С эскортом молний в небе алом,
Прошел, снижаясь, самолет.
Вся ходуном ходила площадь
С иными наравне в стране,
В одном сердцебиенье общем,
Как в день победы на войне.
Плясал и пел народ московский,

Самой Вселенной одержим,
Как будто стал он Циолковским,
По меньшей крайности, самим.
Большим, огромным, увлеченным
Хозяином планет и звезд.
Он, словно перышко, в колоннах
Машину с космонавтом нес.
И с ним в колоннах рядом были
Его поднявшие в века —
Никто не знает их фамилий:
Они в безвестности пока.
О них серебряные трассы
Вокруг планеты в простоте
Звенят, как пламенные праздники,
На недоступной высоте.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Как трудно делалась история...»	3
«Кто был изобретатель колеса?...»	4
Второй	5
«Да, Русь не та, и русские не те!...»	7
Новое время — новые песни	8
Мирная песенка	10
Два монолога	12
«Я верю в бога, но не с бородой...»	15
Ленинские места	16
Черемуха на Петроградской стороне	17
Мороз у Павелецкого вокзала	19
Слово о рабочем	21
Невская дубровка	24
Сосна	27
Мой лейтенант	28
«Уходит в небо с песней полк...»	31
В госпитале	33
Ночь	35
Сорок лет	37
Курган герой	39
Мой город	40
Хлеб привезли	42
Коммунисты	44
«Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные...»	46

На Волгобалте	48
Вечер стихов в колхозе	50
Женский праздник	52
«Кто же первый сказал мне на свете о ней?..»	54
Земляк	55
Кружка молока	57
Свежий хлеб	59
Мытье полов	61
Щи	63
У костра	65
Гармоники	67
Две дали	69
«Что может быть проще...»	71
Слово о Дионисии	72
Побывальщина	75
Концерт	77
Хлеб	79
«Две крутых соболинки...»	80
«Смеялась женщина, смеялась...»	81
«Я давно увидел в первый раз...»	82
«В цвета палящие одета...»	83
«На крышах солью выступает иней...»	85
«Утро было. Одевшись теплей по привычке...»	86
«И я ее искал, по свету ездил я...»	87
Приглашение	89
«А кто такой Бартоломей Диас?...»	91
Встреча с морем	93
Одна любовь (поэма)	96
Слово о Циолковском	114

Сергей Сергеевич Орлов

КОЛЕСО

С т и х и

Редактор Д. А. Смирнов
Художник Н. Н. Лутохин
Худож. редактор Н. Л. Юсфина
Техн. редактор Н. Д. Попов
Корректор А. Ф. Грушина

Сд. в наб. 4/1-64 г. Подп. к печ. 3/III-64 г.
Форм. бум. $60 \times 90^{1/32}$. Физ. печ. л. 4,0+1 вкл.
Уч.-изд. л. 3,65. Изд. инд. ХЛ-655. А03950.
Т. 10 000 экз. Цена 18 коп. Т. п. 1964 г. № 273.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Моск. тип. № 24 «Главполиграфпрома»
Москва, Г-19, ул. Маркса и Энгельса, 14
Заказ № 26

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы
об этой книге и пожелания
присылать по адресу: Москва,
Центр, проезд Сапунова, 13/15,
изд-во «Советская Россия».*